

Вторая жизнь

Автор:

Маша Трауб

Вторая жизнь

Маша Трауб

Мужчина в возрасте около пятидесяти гордо катит по дорожкам парка коляску. Он молодой отец. Рядом идет молодая жена. Она улыбается, кивает, соглашаясь с каждым словом мужа. Вторая молодость или вторая жизнь? А что осталось в первой? Бывшая жена, дочь или сын-подросток. Имеют ли они право на вторую жизнь?

Маша Трауб

Маша Трауб

Вторая жизнь

© Трауб М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Знаешь, что было самым страшным? – Лиза уставилась в чашку с чаем. – Когда я увидела его фотографию с сыном. Он держит его на руках и улыбается. Мальчик, кстати, симпатичный. Совсем на Рому не похож. Так ведь бывает, да?

Когда девочки на пап похожи, а мальчики на мам. Это странно. А бывают дети, которые сразу сами на себя похожи? Правда? – Лиза продолжала наблюдать за танцем чаинок в чашке.

Смотреть на нее было страшно – худая до измождения, с торчащими ключицами, высохшая, с невнятным цветом волос. Лиза не могла унять руки: вытаскивала салфетку из салфетницы – рассыпала всю стопку, пыталась аккуратно сложить – запихивала одной кучей, снова бралась за ложку и мешала чай, давно остывший. Несколько капель попали на руку, Лиза снова потянулась к салфетнице, опрокинула, салфетки слетели на пол.

– Понимаешь, у него есть вторая жизнь. Первая закончилась и началась вторая – все заново. Жена, дом, ребенок. Так легко у него все получилось. Стер и написал заново. У него все, абсолютно все начнется сначала. Теперь уже точно. Все новое, свежее, как после капитального ремонта. Он все сломал, все содрал, ничего не пожалел. Я все время об этом думаю. Думаю и думаю. Каждый вечер. А что у меня? Ничего. Он содрал меня, как обои, и выбросил на помойку. Понимаешь? Меня, мой дом, мою жизнь... – Лиза, продолжая говорить, собрала салфетки с пола и попыталась запихнуть их обратно в салфетницу. – Почему у него есть другой ребенок, а у меня нет? Почему он живет и улыбается? Разве это справедливо? Он опять пошел в загс, купил кольцо. Жена его занавески вешала и спрашивала, нравится ему или нет. А он ей рассказывал, что любит мясо в духовке и терпеть не может вареную морковку в супе. Как ты думаешь, он ей это говорил? Или все так же – сидит над тарелкой, вылавливает кусочки морковки и выкладывает по ободку тарелки? Меня трясоти начинало, когда он так делал! А его новая жена, наверное, находит это по-детски милым. Или вообще перестала класть в суп морковку. А я не перестала. Я не понимаю, как можно суп без моркови варить. Он снова купил коляску, кроватку, бегают за памперсами. Потом будет учить сына кататься на самокате и велосипеде. И поведет его в первый класс. Как ты думаешь, поведет? Дашку не водил. У него совещание было. И самокат я Дашке сама купила. Почему мне так больно? Ведь я не первая, кто развелся. И не последняя. Остальные же как-то живут. Почему я не могу? Все время думаю: почему я не могу просто жить дальше? А как ты думаешь, он мне изменял? Конечно, изменял. А я не видела, не чувствовала. Мне и в голову не приходило его проверить. Он ведь очень быстро после развода женился. Получается, планировал, обещал любовнице, что разведется. Просил подождать, потерпеть. Я ничего не замечала. Ничего. Это так больно... Ушел к молодой, которая ему в рот заглядывает, быт с молодым задором устраивает, рождает чуть ли не бегом. И ему все это нравится. Знаешь, чему я позавидовала? Коляске. Коляска просто отличная, красивая. Когда Дашка родилась, таких не было.

Сейчас коляски красивые. Я еще подумала, что колеса удобные – большие. Но в парке уже дорожки асфальтовые. Раньше мы грязь месили, а сейчас все чистят. Мостик деревянный, по которому мы ручей переходили, снесли, заасфальтировали. Я тоже хочу такую коляску! Понимаешь? И куртку, в которой можно ребенка носить, как бы двойную: мама в куртке, а для ребенка специальное отделение. Я тоже хочу в такой куртке ходить! Почему ему все, а мне ничего? Даже друзья с ним остались, которые считались вроде как нашими общими. Те, которые ко мне приходили, в мой дом. Ты помнишь, какой у меня был дом? Почему они его выбрали, а не меня? Почему все за него рады? Я не рада. Совсем не рада. Я не желаю ему счастья. Я хочу, чтобы у него все было плохо. Ведь я имею на это право!

Лиза решила подлить себе чаю из чайничка, но не удержала, рука дрогнула, все пролилось. Она с облегчением схватила пачку салфеток и начала выкладывать их на столе. Салфетки тут же намокали, и Лиза выкладывала второй слой.

– Он счастлив. Понимаешь? И его жена счастлива. И их сын тоже счастлив. Я говорила, что мальчик симпатичный? Даже странно – мальчик мне понравился. Глазки такие смышленные. И от Ромы мало, почти ничего. Это нормально? Разве должны нравиться чужие дети? Его дети? Он ведь может родить еще. То есть его жена может ему родить. Хоть троих. Она молодая. Понимаешь? Молодая. Ты знаешь, как это обидно? Он молодой папаша, жена у него – девчонка круглолицая, без единой морщинки, а я старая. Я уже не могу родить. Я могу только заболеть. Умереть еще могу. Разве это справедливо? Он может держать на руках маленького ребенка, сына, дочку, не важно. А я кого могу взять на руки? Только внука или внучку. Он папаша, а я бабушка? Это нормально? Ты знаешь, я много раз думала, что не выдержу. Что сердце не выдержит. Я не хотела дышать. Не могла себя заставить. Думала, что если приступ не пройдет, то и хорошо. Хватит. Я ведь даже Дашке не нужна. Мне все время больно. Все тело выкручивает.

– Я понимаю, – прошептала Полина впервые за все то время, что они сидели в кафе и Лиза вела нескончаемый монолог и боролась с салфетками.

– Ты не понимаешь! – закричала Лиза так, что обернулись официанты и остальные посетители. – Ты не можешь понять! Твой бывший муж не держит на руках нового ребенка! Ты не понимаешь, как это, когда изнутри все высыхает! Когда ты смотришь на его новую жену, а она молодая, понимаешь, молодая – и все! Ничего больше нет! Пустая как пробка. Но она может быть счастлива, у нее

все есть, все, о чем она мечтала в своем Усть-Урюпинске или откуда она там! Какое у нее образование? Заборостроительный? Почему ей все досталось готовенькое? Ей на голову все свалилось! У нее все есть: муж, ребенок, коляска эта долбаная с колесами здоровенными. У нее все, как у всех, и даже лучше. Они поедут в отпуск, потом вызовут домой Деда Мороза, их сын будет читать стишок, а они – засовывать подарки в грязный мешок. И наверняка Рома станет фотографировать, платить, покупать самую здоровенную коробку с самолетом или вертолетом. У нее жизнь удалась! Она смотрит и улыбается в эту чертову камеру, а потом выставляет свои фотографии в соцсети. И он тоже. А я все это вижу. Понимаешь? Не хочу видеть, ничего не хочу о них знать, но они все время у меня перед глазами. Ты скажешь, что я не должна сидеть в соцсетях. Хорошо, не буду. Но если я выхожу в парк и знаю, что на любом повороте могу ее встретить? Если я пойду домой через парк, то они могут выйти мне навстречу. Я привыкла ходить домой через парк. Понимаешь? Я была в этом парке первой. Еще до того, как она появилась. Я ходила по этим дорожкам с Дашкой. Это моя жизнь. Была моя. И почему я должна себя ломать? Почему я должна отказываться от того, к чему привыкла? Я тоже имею право на прогулки по этому гребаному парку, ненавижу его. Слушай, у тебя нет таблетки какой-нибудь? У меня голова раскалывается, сейчас взорвется.

– Лиза, ты что-нибудь ешь? – тихо спросила Полина, доставая из сумки таблетки.

– Что? Я? Не знаю, не помню. Да, ем, конечно. Вот сейчас съем пирожное. Хочешь, при тебе съем? Гадость какая. Даже смотреть противно. Я не отравлюсь? Надо было другое взять.

Лиза брезгливо ковырнула ложечкой в куске самого обычного шоколадного пирожного и бросила ложку на тарелку. Официанты опять обернулись.

– Что?! – почти взвизгнула Лиза. – Унесите эту гадость! И не стыдно такое людям предлагать!

Официантка забрала тарелку и мокрые салфетки.

– Ты будешь еще чай? – спросила Полина.

– Я? Не знаю, – ответила Лиза, с удивлением рассматривая пустую поверхность стола. – Полин, мне плохо. Что мне делать?

Полина знала Лизу с детства. Они вместе выросли – гуляли в одном дворе, ходили в одну группу детского сада, сидели в школе за одной партой. Это была не дружба, хотя они и считались лучшими подружками. Это была стойкая связь, на которую обе были обречены. Они не выбирали друг друга, так сложилось. После школы их пути разошлись, но связь не прерывалась.

Полина была свидетельницей на Лизиной свадьбе и пришла, когда ту выписывали из роддома. Не забывала поздравить подругу с днем рождения и Новым годом. Лиза могла и забыть, но это ничего не значило. Они так дружили с детства – Лиза звала, Полина приходила. Лиза звонила, Полина ехала. Лиза сообщала о новостях, Полина слушала. Когда Полина приглашала подругу в гости – на новоселье или на день рождения, Лиза – как правило, отказывалась. У Полины, которая рано вышла замуж и родила двоих детей, Лизе было тесно. Там всегда толпились родственники, дети кричали, взрослые спорили, пахло на весь дом холодцом, который Полина варила двое суток. А Лиза терпеть не могла запах холодца – ее выворачивало. Полина могла попросить разложить хлеб или заправить салат майонезом, а Лиза ненавидела хлеб в хлебнице, а не на специальной рифленой доске и уж тем более не терпела даже вида майонеза. Лизу раздражали застольные разговоры, дешевое вино, которое разливали женщинам. Полина все чувствовала, поэтому звать подругу перестала. По молчаливой договоренности они или встречались в кафе, или Полина приезжала к Лизе. Полина прекрасно знала, что она единственный человек, которому Лиза может позвонить среди ночи и вызвать к себе. Не попросить приехать, а вызвать. Срочно. А Лиза была уверена, что подруга приедет. Полина по голосу понимала, что стряслось. И знала, что Лиза вряд ли заметит, что из шатенки Полина перекрасилась в блондинку, что поправилась на десять килограммов, что потяжелела в ногах, но это наследственное, в мать, Марию Васильевну.

– Вот, ноги совсем тяжелые стали. Опухают, – пожаловалась Полина.

– Как Мария Васильевна? – спросила Лиза.

Этот вопрос был неизбежен в их беседах. Они были связаны матерями. Это тоже сложилось само собой.

– По судьбе, – говорила Полина.

- Просто они рядом живут, - отвечала Лиза.

Да, жили они рядом, ходили по одной дороге к садику, потом к школе, но детство их было разным. И девочки были разными. У Лизы было то, чего не было у остальных, - красивые платья, цветные колготки, банты, туфельки. И очень красивая кроличья шубка с капюшоном и шапочка, тоже кроличья, с помпончиками. Ее родители были докторами биологических наук. Мама Полины тоже была доктором - участковым терапевтом в местной поликлинике. Работала по четным и нечетным. Ходила по вызовам. Приходила домой и говорила: «Все, я спать». Полина не могла понять, почему доктора такие разные. Но она была послушной, самостоятельной девочкой. И, что важно, независтливой. Ей нравились шубка Лизы и шапочка с помпонами, но она никогда бы не посмела попросить такие у мамы. У Лизы был папа, а у Полины не было. Но она считала, что так тоже надо, и не завидовала. Девочка росла хозяйственной, деловитой, кумовитой - любила дежурить по группе, расставлять тарелки на столах, помогать застилать кровати после тихого часа. Следила, чтобы Лиза не забыла положить шапочку на полочку в шкафчике, и вешала аккуратно сначала Лизину невесомую шубку, а потом свою - коричневую, тяжелую, из искусственного меха, которую нужно было перетягивать на талии мальчиковым ремнем с бляшкой.

Лиза имела в садике больше преимуществ, чем остальные дети, - если она не хотела гулять, ее оставляли с нянечкой в группе, где она могла рисовать, играть одна во все игрушки и расставлять тарелки для полдника. Пока другие дети мокли и мерзли на террасе, прыгали зайчиками под руководством воспитательницы и делали куличики, Лиза сидела в группе и рисовала принцесс. Иногда она просила оставить в группе и Полину, чтобы не было скучно и одиноко, - воспитательница позволяла. Полина была просто счастлива - деловито поливала из большой красной лейки цветы, кормила попугайчика и расставляла аккуратно стульчики. Возилась по хозяйству, пока Лиза, задумчиво глядя в окно, продолжала рисовать принцесс.

Полину в сад мама приводила раньше всех, а забирала последней. Полина не плакала, а сидела на качелях и покорно ждала маму. Иногда она помогала нянечке мыть полы и вешать чистые полотенца. Потом грызла выданный за помощь сухарик, посыпанный сахаром, и была рада лакомству. Она никогда не капризничала, зная, что мама задержалась у пациента, которого надо вылечить. Полина очень гордилась мамой, ведь ее знали все. Здоровались на улице и дарили конфеты на Восьмое марта. Лизу же приводила и отводила в сад

специальная женщина. Не бабушка, не мама. Лиза называла ее няней, но Полина не понимала, кто такая няня. Не нянечка, какие бывают в поликлиниках и больницах, не их нянечка, баба Клава, у которой всегда есть вкусные сухари, а няня. Эта женщина была строгой и важной, но Лиза ее не слушалась и могла закатить истерику, отказываясь идти домой. И няня ничего не могла сделать, даже голос повысить. Полина не понимала, как Лиза может не слушаться. Иногда няня забирала их обеих, но делала это без удовольствия и даже с раздражением. Но Лиза могла устроить такой скандал, требуя забрать Полину, что няне приходилось подчиниться. Полина пыталась понравиться этой женщине, но Лиза ей сказала:

- Не бойся ее. Я пожалуйсь маме, и она ее уволит.

- Как это? И тебе ее не жалко?

Лиза дернула плечом. Полина же все равно решила слушаться няню – она знала, что если кого-то увольняют, то это очень страшно. Ее мама очень боялась потерять работу, прибавляя с надеждой: «Где они найдут еще такую дуру, которая на полторы ставки...» Полина не понимала про ставки, но знала, что полторы – лучше, чем одна.

Иногда Лизу приводила и забирала мама – Ольга Борисовна. Полина сразу чувствовала сладкий и долгий запах духов в раздевалке и старалась повнимательнее рассмотреть эту женщину, похожую на королеву. У Ольги Борисовны было все королевское – пышная прическа, шуба, к которой было страшно прикоснуться, платок на шее или тончайшая шаль на голове. Сапожки на каблуках. У ее мамы никогда не было сапог на каблуках, а были ботинки – на устойчивой подошве, всепогодные. Ольга Борисовна всегда забирала Лизу вместе с Полиной и разрешала покататься на качелях перед домом, что няня делать всегда запрещала. Ольга Борисовна так нравилась Полине, что она ее даже любила.

- Вот бы у меня была такая мама, – призналась она однажды Лизе.

- Ничего особенного, – равнодушно ответила Лиза.

Но Ольга Борисовна была особенной. Она знала ответы на все вопросы, которые задавала Полина. Почему звезды то появляются, то исчезают, почему так рано

темнеет и наступает ночь, хотя еще вечер, почему дует ветер, а потом не дует. Ольга Борисовна всегда отвечала – подробно, интересно рассказывая целую историю. Лиза никогда не слушала, убегая вперед, зато Полина старалась подойти поближе к Ольге Борисовне, чтобы все услышать, не пропустить. Когда Полина задавала вопросы маме, та всегда отмахивалась или отделялась дежурным: «так устроено», «так надо», «пойдешь в школу – узнаешь». Они с мамой всегда бежали – из садика в магазин, из магазина – домой. Всегда бегом. А Ольга Борисовна даже ходила по-другому – медленно, прогуливаясь, аккуратно ступая, наслаждаясь вечерним «моционом». Про моцион Полина не понимала, но ей нравилось слово. Ольга Борисовна никогда не спешила. И раскачивала качели медленно, улыбаясь куда-то в сторону. Мама Полины качала быстро, рывком, три раза и говорила: «Все, домой пора». Ее ждали пациенты, приходившие на дом – сделать укол, поставить капельницу. Эти пациенты были очень нужны, потому что давали деньги. Оставляли на тумбочке в коридоре. Иногда дарили Полине конфеты или шоколадку. А то и тортик приносили. Один раз вообще целую связку бананов подарили, зеленых, которые нужно было положить на подоконник, чтобы они пожелтели. Но Полина не вытерпела и съела зеленые. Бананы ей не понравились. Она мечтала о том, чтобы ее мама была другим доктором, таким, как Ольга Борисовна.

Полина была сметливой девочкой и видела, как начинала улыбаться воспитательница, когда Ольга Борисовна передавала ей пакет с подарками. Ее мама, Мария Васильевна, тоже приносила воспитательнице подарки – коробки шоколадных конфет, которые ей дарили пациенты. И воспитательница всегда отдавала их нянечке, бабе Клаве.

– Опять от больных отдала, – брезгливо говорила воспитательница, – неизвестно, кто их в руках-то держал. И вон, коробочка помятая, наверное, и шоколад с налетом, давно лежит. Еще болезни передаст.

– А я возьму, негордая, – говорила баба Клава, – если больные были, значит, она их вылечила, иначе зачем конфеты дарить? А что налет, так ничего. Шоколад не портится.

Подношениям Ольги Борисовны воспитательница радовалась всегда – в пакете лежали и колбаса, и банка икры, и бутылка коньяка, даже рыба соленая и конфеты с ликером. Полина считала Лизину маму очень доброй, раз она дарит такие щедрые подарки. А то, что Лиза питалась отдельно – всем была положена манная каша, а Лизе – творожная запеканка со сгущенкой, всем – капуста

тушенная, а Лизе – пюре с котлетой, – так это справедливо. Полина, привыкшая есть что дают, восхищалась подружкой – Лиза не любила запеканку. Удивительная девочка – как можно не любить запеканку со сгущенкой!

Лиза на утренниках всегда была главной Снежинкой, в красивом платье с блестками, а Полина – Лисичкой, в купленном раз и навсегда костюме. Шапочка с лисьим носом была сначала велика и спадала, а потом стала мала и еле налезала на голову. У Лизы же всегда был новый костюм, лучше прежнего.

Они жили в соседних подъездах. У Полины в полуторакомнатной квартире царила казенная стерильная чистота. Полторного в ее жизни было много: полторы ставки у мамы, полторы комнаты в квартире – одна их с мамой, другая – крошечная, отгороженная шкафом, для пациентов, кому требовалась капельница. Там же, на узкой подростковой кушетке, часто ночевала Мария Васильевна, когда приходила с работы и не было сил застилать постель. Полина спала на кресле-кровати, которую утром нужно было непременно собрать. Полина рано научилась мыть пол, протирать пыль – ее мама требовала чистоты.

Когда Мария Васильевна задерживалась на вызовах, Ольга Борисовна звала Полину к ним домой, на чай. Полина ждала этих приглашений, потому что в их квартире все было по-другому. У Лизы – собственная комната, где стояли пианино и большая кровать. Платья висели в шкафу на вешалках, а вещи – колготки и пижамы – разложены по отдельным ящичкам. Полина с восторгом замечала, что в доме пыль и беспорядок, на полках громоздятся фарфоровые фигурки, а в Лизиной комнате в углу свалены игрушки. Мария Васильевна ничего не держала на полках и сразу же отдавала вещи и игрушки дочери тем, кто в них больше нуждался. Но самым удивительным было то, что няня приносила «девочкам» ужин прямо в комнату – на огромном подносе, который еле держала. Она расставляла еду на столе, подставляла стулья и уходила. Полина замирала от ужаса – если бы ее мама увидела, что она ест в комнате, а не на кухне, то точно бы надавала тряпкой по попе. Лиза отпихивала тарелку, а Полина съедала все – ей было так вкусно, что даже живот болел.

– Да, Мария Васильевна, я забрала Полину к нам, – слышала она ласковый голос Ольги Борисовны. – Не волнуйтесь, работайте спокойно.

– Ольга Борисовна, – обращалась Полина.

- Да, зайка, - улыбалась та.

Это Полина тоже отметила почти сразу. Ольга Борисовна всегда говорила ей «зайка», «детка», «дорогая девочка», «моя дорогая», а мама скупно называла ее Полиной или, редко, Полей.

Чтобы как-то оправдать маму в собственных глазах, Полина решила, что она тоже когда-то вылечила Ольгу Борисовну, поэтому мама Лизы такая добрая и ласковая.

- Мама, а ты лечила Ольгу Борисовну? - спросила Полина.

- Нет, она к другой поликлинике прикреплена, - удивилась Мария Васильевна.

Но еще больше Ольги Борисовны Полину восхищал Евгений Геннадьевич - Лизин отец. Он был дома, но его вроде как и не было.

- Девочки, не шумите, папа работает, - предупреждала Ольга Борисовна, и Полина старалась ходить на цыпочках. Потом Евгений Геннадьевич появлялся в гостиной, чмокал Лизу в макушку, строил смешные рожицы Полине и спрашивал у «девиц», как они «поживают». Полина знала, что дома тоже можно работать. Но никак не могла понять, как Евгений Геннадьевич работает один? У него не было пациентов, не было медсестры, как у мамы.

Полина всегда знала, что попала в школу благодаря Лизе и Ольге Борисовне. Это была очень хорошая английская спецшкола, и Ольга Борисовна устроила обеих девочек в первый класс, минуя собеседование. Лиза сказала, что хочет сидеть за одной партой с Полиной, а Ольге Борисовне, которая понесла завучу продуктовый «заказ» и билеты в «Современник», было все равно - просить за одну девочку или за двух. Почему Лиза поставила такое условие, никто особенно не интересовался - сочли очередным капризом. Полина же так и осталась ее верной наперсницей. Мария Васильевна не знала, как благодарить Ольгу Борисовну. Предложила проделать курс витаминных капельниц. Но та рассмеялась в голос и подарила Марии Васильевне шелковый платок - по случаю успешного поступления в школу. Мария Васильевна опять ахнула и снова принялась благодарить. Лиза же сообщила подружке, что у мамы «полно таких платков, девать некуда, вот она и раздаривает ненужные». Но Полина не поверила и решила, что Ольга Борисовна - добрая фея.

* * *

В детстве девочки были очень разными внешне. Полина всегда считалась красавицей – круглые глазки, реснички, щечки с ямочками, кудряшки. Просто Аленька с шоколадки. Очаровательная девочка – пухленькая, как булочка, с ярким румянцем во всю щеку, всегда с туго заплетенными косами и выглаженными бантами.

Лиза же не казалась привлекательной. Чересчур худая, с прямыми темными волосами, которые она подбирала ободком – терпеть не могла косы и банты. Иногда воспитательница усаживала Лизу на стул и, несмотря на ее вопли, заплетала две косы. Лиза стойко терпела экзекуцию и немедленно сдирала банты, чуть ли не вырывая волосы, стоило воспитательнице отвернуться. При малейшем морозце Лиза становилась совсем бледной, до синевы, а руки были ледяные. Поэтому воспитательница часто оставляла ее в группе – не хватало ей еще и переохлаждения. В Лизе угадывались красивые глаза – черные, яркие. Бледные губы в сочетании с высокими торчащими скулами тоже обещали красоту, но такой тип лица и фигуры не считался для детей здоровым. Лизу в садике кормили рыбьим жиром, витаминами и гематогеном, но девочка или выплевывала таблетки, или сжимала зубы. Вот Полина со своими голубыми глазками-пуговицами, чуть навывкате – та да, красавица. И как часто бывает с девочками, подростковый возраст многое изменил. Полина поправилась, из пухленькой стала полноватой, глазки уменьшились, а волосы схватывались в жидкую распадавшуюся косицу. Она обещала стать блеклой, крепко сбитенькой блондинкой без выдающейся груди, но с примечательными бедрами.

Лиза же с каждым годом превращалась в настоящую красавицу – тонкую, как статуэтка, с толстенной косой, аккуратными формами и длинными ногами. Да и ее типаж вошел в моду.

В школе, как и в садике, Лиза оставалась на особом положении. Ее никто не любил, Полину все обожали. Лиза была заносчивой, манерной, закрытой, а Полина – доброй, отзывчивой, легкой. Так, бок о бок, они прошагали до выпускного вечера и распрощались, кажется, навсегда. Полина поступила в медицинский, пойдя по стопам матери. У нее и не было другого выбора. Она и не мечтала о другой профессии. Лиза же, которой предоставили полную свободу, долго металась, ее ничто не привлекало, все казалось одинаково неинтересным. В конце концов она стала студенткой престижного вуза, где в новые времена, на

последних уже курсах, ввели малопонятную, но очень привлекательно звучащую специализацию «Реклама и пиар». Что это такое – не знал никто. И Лизу, которая так и не поняла за время обучения в институте, кем хочет стать, это вполне устраивало.

Полина выскочила замуж на первом курсе мединститута. За однокурсника Вадима – бесталанного сына известных врачей, который падал в обморок в морге и к медицине относился с нескрываемым ужасом. Немного инфантильный, немного полноватый, немного безвольный. Но Полина его любила, увидев в инфантильности – подкупающую детскую искренность, в полноте – сходство с собой, в безвольности – мягкость, ранимость. Впрочем, Вадик впоследствии стал неплохим окулистом. Полина со свойственной ей легкостью не замечала косых взглядов родственников, удивленных скоропалительной женитьбой, и драила, намывала, пекла пирожки. Да и Мария Васильевна своей простотой, искренней радостью за дочь, не менее искренним уважением к зятю, готовностью помогать во всем и всегда, что и говорить, казалась идеальной тещей для Вадима.

Родственники, увидев такое Полинино рвение, такую любовь к Вадиму и такую нетерпимость к пыли, помягчили, подобрели и приняли невестку как родную. Полина, опять же, не заметила перемен в отношениях с родственниками. Было у нее такое счастливое и редкое женское свойство – не видеть плохого, не замечать косых взглядов. Она родила сына, потом дочь, но продолжала работать. Стала гинекологом в женской консультации. Как и мать, бегала, носилась с пациентками, работала, готовила, везде успевала. На стене в кабинете приклеивала фотографии новорожденных детишек. Она радовалась, что помогла забеременеть, доносить, вылечила, отправила рожать. И вот оно счастье – малыши улыбаются ей со стены. Полина благодарила судьбу, что так сложилась жизнь, что есть семья, дом, родственники, любимая работа. О большем она никогда не мечтала, не гневилась Богу. Вадик же с годами совсем приклеился к жене: не мог решить, что ему съесть на завтрак – яичницу или бутерброд с колбасой.

– Что ты хочешь на обед? Щи или куриный суп? – спрашивала в начале их семейной жизни Полина, чем ввергала молодого мужа в ступор. Выбор ему всегда давался непросто.

Когда появились дети, сразу стало проще – Полина готовила для детей, а Вадим с радостью ел детские котлетки и куриную лапшичку.

По праздникам они ходили в ресторан, и Полине очень нравилось наряжаться, надевать красивое платье и красить ногти. Ей нравилась ее бесхитростная жизнь с небольшими радостями. Нравилось, что они с Вадимом растят детей, варят холодец по праздникам, ездят на дачу. Сильных эмоций – страстей, ревности, ненависти, злости – она никогда не испытывала, чему тоже радовалась. Зато жизнь была наполнена – то к родственникам надо заехать, то к Марии Васильевне, постирать, домашнюю работу детей проверить, салат нарезать да еще «Наполеон» испечь, Вадим любил домашний «Наполеон». Перед семейными застольями Полина мыла, чистила, нарезала тазами и варила ведрами. Потом, падая от усталости, сидела за столом, пила сладкий ликер, выбрав себе именно этот напиток среди прочих, и опять чувствовала себя счастливой. Все было так, как она хотела. Так, как и должно быть.

Лизе она, как и в детстве, по-доброму завидовала. Восхищалась подругой. И когда та ей говорила, что она стала толстой клушей и бегает по кругу между домом и работой, с легкостью соглашалась. Да, она клуша.

Лиза окончила свой престижный вуз и пошла работать в престижную компанию. Выставки, презентации, форумы – Лиза показывала подруге фотографии.

– Ты такая красивая! – восхищалась Полина.

– Да, я слежу за своим весом, в отличие от тебя, – отвечала Лиза.

– Тебе хоть нравится твоя работа? – озабоченно спрашивала Полина.

– Не знаю. Работа и работа, – пожимала плечами подруга.

Она работала влегкую, не напрягаясь, и действительно не знала – нравится ей или нет. Да, она знала себе цену – умная, пунктуальная, грамотная. Может сделать за два часа то, на что у других сотрудников уходило три дня. И все – свысока, вполоборота, с некоторым, едва заметным презрением к коллегам. Лизе не нужно было рвать когти, глотку. Ей, по большому счету, вообще ничего не было нужно. Карьерных амбиций за ней никто не замечал. Наоборот, Лиза ценила личное время, личное пространство, некоторую свободу. Начальство ее ценило – Лиза никого не подсиживала, никого не подзуживала и никогда не строила козней за спиной – это было ниже ее достоинства. Друзей и подруг у нее не образовалось – только приятели и приятельницы, чтобы попить кофе, сходить

на обед. Лиза вроде бы общалась со всеми – и ни с кем: в общих посиделках не участвовала, от корпоративных мероприятий вежливо отказывалась. Никому не помогала, но и помощи ни у кого не просила.

Сказать, что Лиза неприятная, было нельзя, но и назвать ее милой тоже вроде бы как не получалось.

– Тебе надо замуж, – говорила Полина.

– Надо будет – выйду, – отмахивалась Лиза, и Полина соглашалась. Да, Лиза за любого сможет выйти. На кого пальцем покажет. Она пыталась рассказать подруге, какое это счастье – муж, дети, но Лиза стекленела глазами. Полина знала этот взгляд и замолкала.

Полина смотрела, как подруга детства устраивает ложкой бешеный водоворот чаинкам. Как врач, она уже поставила диагноз – Лиза больна, ей нужно показаться специалисту, пропить курс препаратов. Депрессия, тяжелая, и анорексия под вопросом. Не долечили, значит, в предыдущий раз. Да еще и головные боли – надо бы провериться. Две таблетки болеутоляющего выпила, а все равно морщится. Видно, по глазам видно, что боль не отступила. Наступил же просвет, а сейчас опять.

У Лизы был совсем другой голос. Лизин, но другой. Подруга говорила тихо, глухо и быстро, будто заговаривая боль. Она не придумывала. Ей было больно по-настоящему. Ну что с ней делать? За руку отвести к врачу? Насильно уложить в больницу? Ведь Лиза сильная, всегда говорила, что сильная, справится. И ведь казалось, справляется. В конце концов, ну наплевать на Рому и забыть. Есть ведь Дашка. Такое счастье, что есть Дашка. Что еще женщине нужно? Ребенок. Если есть ребенок, значит, есть будущее. Но Лиза, похоже, так не считала. А Полина не могла ее переубедить. Если за столько лет не получилось доказать, то сейчас точно бессмысленно ей что-то внушать.

– Я похудела? – спросила Лиза.

– На тебя смотреть страшно, – честно ответила Полина.

Некогда стройные Лизины ноги превратились в две палки, утянутые джинсами. От нее ничего не осталось, даже груди. Свитер болтался, как на швабре. Из ворота выглядывали костяшки. Да, им уже за сорок. Лизе исполнилось сорок пять – она была на полгода старше Полины. Корни седые. На темных волосах седина особенно заметна проблесками, всполохами. Лоб совсем мертвый, наверняка Лиза вколола ботокс. Полина тоже хотела ботокс, но все никак не могла собраться. Да и не было такой уж нужды – лицо полное, гладкое. Вот второй подбородок убрать бы да овал лица подтянуть, это да. У Лизы выдавали возраст губы, собираясь мелкой сеточкой, когда она говорила. И руки. В тех местах, которые всегда выдают возраст, – если у Полины были полные, тяжеловатые, мясистые предплечья, то у Лизы они висели сморщенными складочками.

– Мне плохо, что-то мне совсем плохо, – призналась Лиза. – У меня никого нет. Странно, да? Ты помнишь, сколько у нас людей в доме собиралось? Меня ведь всегда любили. Рома говорил, что ему все друзья завидуют. И вдруг никого нет. Только ты. Странно, да? Ты знаешь, я не могу жить в своей квартире. Мне там все не нравится. Я хочу назад, в мой дом, в тот дом, который я построила. Почему я его отдала? Ты помнишь, какие там были окна? А подоконники? Помнишь, как я превратила подоконник в лежанку, а рядом стоял книжный шкаф? Можно было лежать и читать. Полин, я хочу назад. Я хочу на свой подоконник, смотреть в свое окно. Как ты думаешь, кто там сейчас живет? Они все сломали, да? Или оставили? Я пыталась поговорить с Дашкой, но ей все равно где жить. Она меня стала бояться. Смотрит испуганно и молчит. И знаешь, она думает, что я сошла с ума, как ее бабка. А я думаю, почему я не сошла с ума? Так легче. Жить и не понимать, кто с тобой рядом, где ты находишься, почему оказалась в этой кровати, а не в другой. Полин, я хочу сойти с ума, как мама. Только теперь я ее поняла. Она спасла себя. Когда это случилось? Ты помнишь?

– После смерти Евгения Геннадьевича, – ответила Полина.

– Да, наверное... а мне казалось, что позже. Ты думаешь, она меня так и не простила?

– Не знаю.

– А я знаю – не простила. Хорошо, что она меня не узнает. Я все думала тогда, как так можно – забыть единственную дочь? А теперь знаю – я бы Дашку тоже забыла. Я и сейчас про нее забываю. Смотрю на нее и не чувствую. Совсем. Как

раньше, когда она была маленькая. Ты помнишь?

- Помню. Так бывает.

- Не бывает! У тебя так не бывает! Только у меня! - У Лизы снова затряслись руки. - Как Мария Васильевна?

- Все хорошо. Слава богу.

- Все так же бегают по своим старикам?

- Бегают. Мне кажется, она нашла себя в них.

- Ну да, ты отвечаешь за беременность, а она - за смерть. Просто святое семейство.

- Лиз, не надо, не будь злой.

- Прости. Передавай Марии Васильевне спасибо.

- Позвони и сама скажи. Ей будет приятно.

- Не могу. Не могу никому звонить и говорить дежурные фразы. Сил нет. Расскажи мне про Марию Васильевну. Я всегда хотела, чтобы у меня была такая мама.

- А я хотела, чтобы у меня была такая, как Ольга Борисовна.

- Да, я помню, как ты ей в рот смотрела и шла так чинно, медленно. А мне нравилось бежать с твоей мамой. И она мне всегда покупала рогалик в булочной.

- Лиз, это было всего один раз. Ну, два.

- Разве? А мне казалось, что Мария Васильевна нас часто из сада забирала. Или из школы. Поговори со мной. Расскажи что-нибудь.

И Полина начала рассказывать о том, что Лиза и так знала.

Мария Васильевна, отправившись с почетом на пенсию, не смогла уйти из профессии. Два месяца помаялась, посмотрела телевизор, а потом встала, постелила чистое белье на кушетку в половине от полуторной комнаты и позвонила бывшим пациентам. Уже на следующий день пришла соседка – ей прописали курс капельниц, а до поликлиники добираться тяжело, пока автобуса дождешься, так и капельница не понадобится. Эта же соседка дала телефон Марии Васильевны другой соседке, у которой была старенькая мама. Нужно было прийти, сделать укол, проследить за сиделкой. Мария Васильевна пришла, немедленно уволила сиделку и стала все делать сама – массировать, растирать, ставить уколы, кормить, мыть. И вдруг почувствовала, как сердце откликнулось, как на душе стало хорошо и правильно.

Так Мария Васильевна стала уникальным специалистом – не просто сиделкой, а человеком, который скрашивает последние дни, недели, месяцы жизни. Ее верная медсестра Люся, которая просидела с ней в кабинете многие годы и уволилась в тот же день, когда Мария Васильевна ушла на пенсию, стала идеальной сиделкой. Они опять работали в паре. Сарафанное радио сделало свое дело – репутация у Марии Васильевны и Люси была безупречная. Их знал весь район. Мария Васильевна радовалась, что нужна, что ее ждут, что звонят и просят приехать. Ей становилось хорошо на душе, когда она знала – ее подопечные уходят в иной мир без боли, без страданий, в чистоте, на свежих простынях. К собственному удивлению, она обнаружила, что стала прилично зарабатывать, намного больше, чем получала в поликлинике на полутора ставках. И это тоже оказалось удивительно приятно – она тратила деньги на подарки внукам, на милые безделушки, которые дарила подопечным. На себя она так и не научилась тратить. На еду тоже. В одну из зим купила себе модную обувь, угги, и была просто счастлива. Бегала в них, как в тапочках, и радовалась: прогресс не стоит на месте, жизнь изменилась – есть удобная обувь, есть хорошие шприцы, в любой аптеке, доступны специальные кремы от пролежней, да чего только нет! А уж какие матрасы появились! Ортопедические. Удобные.

– Она у меня очень независимая стала и гордая, – улыбнулась Полина, – она счастлива. Счастлива в профессии. Я думала, ей нравится быть терапевтом, а оказалось – ее призвание... достойный уход. Она это так называет. Я очень за нее рада.

– Расскажи мне про папины похороны, – попросила Лиза.

– Я же тебе сто раз рассказывала.

– Расскажи еще раз.

Лиза не попала на похороны Евгения Геннадьевича. Ей позвонила Полина и сказала, что он скончался. Лиза была в другом городе, на очередной важной конференции. Она прекрасно помнила, как собрала чемодан, поехала в аэропорт, но рейсы задерживались по погодным условиям. И Лиза вернулась на конференцию – не сидеть же в аэропорту. Полина вместе с мужем Вадимом взяли на себя всю организацию. Ольга Борисовна, равнодушная ко всему, сидела в гостиной за столом и смотрела в окно. Полина спрашивала – где лежат документы, есть ли семейное захоронение на каком-нибудь кладбище, кому нужно позвонить, чтобы сообщить о смерти, где устраивать поминки? Ольга Борисовна молчала. Наконец Полина догадалась позвонить своей маме и вызвать ее на помощь. Мария Васильевна прибежала, сделала чай, увела Ольгу Борисовну, сделала укол, велела Вадиму сбегать в магазин, а Полине – быстро сварить бульон. Всех прогнала из комнаты, накормила Ольгу Борисовну с ложечки, дала лекарство, уложила в кровать. Через полтора часа – Полина засекала по часам, опять эти полтора часа, – Ольга Борисовна встала, вышла в комнату, где сидели за круглым столом Вадим, Полина и Мария Васильевна, подошла к шкафчику, достала документы, записную книжку мужа и положила на стол деньги.

– Маша, этого хватит? – спросила она у Марии Васильевны, будто остальных в квартире и не было вовсе.

Вадим с Полиной опять забегали – разбирали документы, звонили. Евгений Геннадьевич был доктором наук, автором и соавтором множества научных работ. Но ни званий, ни наград не обнаружилось.

– Должны быть, – неуверенно сказала Ольга Борисовна.

Про семейное захоронение тоже пришлось забыть. Ольга Борисовна помнила, что прабабка вроде бы похоронена на Донском, но документы давно утеряны. Фамилия Евгения Геннадьевича была на слуху, он был известен в научных кругах, но для места на хорошем кладбище этого оказалось недостаточно. Требовались справки, свидетельства, почетные знаки, ордена.

– Как же так получилось? – ахнула Полина.

– Родители Жени были откуда-то из Казахстана. Мои – репрессированы, – спокойно ответила Ольга Борисовна. – А что, сейчас с кладбищами дефицит? Я слышала, в детские сады надо записываться чуть ли не с рождения, в очереди стоять, но неужели такая же ситуация с кладбищами?

– Надо позвонить в институт, – подсказал Вадим и сам же стал набирать номер. Потом подключилась Полина – звонила ближайшему другу и коллеге, соавтору работ покойного, который занимал не последнее место в научной иерархии и был членом-корреспондентом, доктором, заслуженным и уважаемым.

Ольгу Борисовну Мария Васильевна напоила каплями и уложила. Полина с матерью и мужем опять сидели за круглым столом.

– Невообразимо, – вздохнул Вадим, протирая очки, – я поговорил с тремя секретаршами. Они обещали передать сообщение.

Полина кивнула. Она тоже не продвинулась дальше секретарши.

– Им достаточно только поднять трубку. Неужели это так сложно? – Вадим усердно тер стекла очков.

Мария Васильевна расправляла салфетку на столе. Она не хотела рассказывать «молодым», как бывает, когда умирает человек, и кто его провожает в последний путь. Уж она навидалась такого предостаточно. По пальцам одной руки можно было пересчитать случаи, когда в последний путь родителей провожали родные дети, внуки, сестры, братья и другие родственники, считающиеся близкими. И хорошо, если находится жена троюродного брата или сын ближайшей подруги, которые берут на себя все обязательства. Хорошо, если бывшая невестка окажется сердобольной и кинется на помощь. И не за что-то – квартиру, дачу, мифические сбережения – а просто так. Мария Васильевна давно заметила – ее, как правило, нанимали дальние родственники, седьмая вода на киселе, а жены, мужья, дети – почти никогда. Она поначалу удивлялась, а потом перестала. Близким было вроде как стыдно нанимать специального человека для ухода. Не по совести. И они собирались справляться своими силами. Пока собирались да рядили и делили обязанности – кто будет привозить продукты, а кто памперсы, – успевали переругаться, посчитать деньги в чужом кармане,

обвинить друг друга в том, что было и чего не было, вспоминали такое, что и вспоминать бы не следовало. И такие старики умирали быстрее. А у дальних родственников моральной проблемы не стояло – они платили за уход, достоинство и были рады и спокойны, что в доме чисто, Мария Васильевна сидит рядом и читает книжку или вяжет. Что тетя Катя или дядя Валера, которых и видели-то пару раз в жизни, под присмотром. И даже если они делали это в расчете на имущество, так какая разница? Мария Васильевна не переставала удивляться одному – чаще всего эти чужие люди и вовсе ни на что не рассчитывали. Это потом, уже после похорон, набегала родня и начинала делить старые шкафы.

Был у нее один случай. Ее наняла домработница. Леночка. Уж как она оказалась с бабой Нюсей, один бог ведает, но никого другого из родственников последние лет двадцать не обнаруживалось. Леночка забежала к бабе Нюсе по-соседски – принести хлеба, молока, кефира, вывести погулять на лавочке. И баба Нюся давно решила, что Леночка – внучатая племянница – единственный родной человек. И, выпроставшись вдруг из своего Альцгеймера (Мария Васильевна считала, что никакого Альцгеймера и в помине не было), отписала Леночке свою крошечную квартирку. Пусть двадцать семь квадратов, а в хорошем районе, в Москве как-никак. Леночка, которая снимала квартиру напротив и растила двоих детей, много раз отказывалась, предпринимала попытки найти родственников, но баба Нюся уперлась: нет никого, все умерли, а кто был – растерялся, разбросался. И строго велела Леночке вызвать нотариуса, оформить все чин-чинарем. Леночка видела, как нотариус хмыкнула и посмотрела на нее так, будто она прямо сейчас отравит бабу Нюсю.

Сделав важное дело, баба Нюся стала вдруг резко сдавать. Леночка понимала, что за старухой нужен другой уход. Сама она работала в десяти местах. В строительной фирме – отмывала квартиры после ремонта. Раз в неделю ездила за город к вроде как олигарху – варила щи-борщи, компоты, пекла пирожки, накручивала блинчики – с мясом и творогом. Чистила унитазы, сезонно драила окна, гладила лучше всякой химчистки. Был у нее такой клиент – вызывал погладить рубашки раз в неделю при наличии еще одной домработницы. В один из дней у нее было две квартиры – до обеда и после. Помыть, убрать, погладить. Леночка крутилась как белка в колесе. И уже не могла потянуть бабу Нюсю. И она стала искать для нее сиделку. Искала тщательно, долго. Пока наконец не вышла на Люсю, которая сообщила, что работает в паре с Марией Васильевной.

– Да я бы и так за ней ходила, а она мне квартиру! – чуть не плакала Леночка, рассказывая Марии Васильевне про соседку. – Что обо мне подумают? Что я за квартиру?

– Квартира тебе не помешает, – строго остановила ее Мария Васильевна. – У тебя вон, парни взрослые, сыновья. И кто подумает о тебе? Ну кто?

Леночка рассказала Марии Васильевне про свои работы, про то, где сколько получает, сколько должна платить за съемную квартиру, сколько отдавать за секцию младшего сына и сколько – за курсы старшего. Отняла еще на еду и аккуратными цифрами выписала остаток – совсем ничтожный. Мария Васильевна согласилась. Леночка была как на ладони, таких и не встретишь. Уставшая, как сто чертей, руки стертые, а ведь еще молодая, яркая. Мальчишки у нее росли золотые. Старший носил тяжелые продукты – молча приволакивал, ставил пакеты, кивал и уходил. Младший отвечал за хлеб, молоко и яйца. Он разрешал себя покормить – Люся готовила для бабы Нюси, а отдельно – для мальчика. Тот тоже молча съедал все, что было на тарелке, кивал, тщательно мыл за собой посуду и уходил. Люся отсыпала ему с собой баранок или конфет.

Баба Нюся расцвела. Ей нравилось, когда в доме собирались все – Люся с Марией Васильевной и Леночка с мальчиками. Все рассаживались вокруг кровати бабы Нюси и занимались своими делами – мальчики делали уроки, Мария Васильевна читала вслух, Леночка дремала в кресле, Люся на подносе разносила чашки с чаем.

Ни единого раза Леночка не задержала оплату. Иногда давала больше, краснея. Мария Васильевна знала – Люся отмыла несколько незапланированных квартир после ремонта.

Леночка позвонила среди ночи.

– Мария Васильевна, баба Нюся говорит непонятно. Вроде бы по-украински, но я не все понимаю, – плакала Леночка в трубку.

Мария Васильевна сразу поняла, что это конец. Четыре следующих дня стали ожиданием – по утрам баба Нюся улыбалась, была спокойной. А по ночам тревожилась и говорила по-украински.

– Я и не знала, что она с Украины, – плакала Леночка.

– Это ничего не значит, – отвечала Мария Васильевна. – Она могла говорить по-украински в раннем детстве. Сейчас она туда вернулась.

Бабу Нюсю похоронили достойно. Посидели, помянули. И кто дернул Леночку наводить порядок? Она нашла старую сумку с документами, по которым выходило, что у бабы Нюси были и дети, и внуки, и племянники. Кто дернул ее позвонить по указанным телефонам, записанным аккуратным почерком в книжку? Некоторые телефоны молчали, или в домах жили другие люди. Но она дозвонилась до дочери и со слезами сообщила ей о смерти матери. Заверила, что бабу Нюсю похоронили достойно, что ушла она в заботе и без боли, в своей постели. Под приглядом сиделки и врача. А потом начался ад – дочка, сама уже бабка, подала в суд и стала поливать Леночку помоями. Мол, угробила мамочку ее родную за квартирку. Леночка плакала и готова была отдать этой дочери все, что та потребует. Но тут вступилась Мария Васильевна – пришла на суд вместе с Люсей. Судья оказалась ее бывшей пациенткой. И все решилось в пользу Леночки. Быстро. Леночка тогда целовала руки Марии Васильевне.

– Это мое, по закону. Я родная кровь! – кричала в коридоре дочь бабы Нюси.

В родную кровь Мария Васильевна давно не верила. В зов крови тоже. В генетику да, верила безоглядно. А вот как эти гены смешаются, тут уж никому не ведомо. «Со мной такого не будет», – каждый раз, как заклинание, говорила себе Мария Васильевна. И, помогая разбирать чужие вещи, письма и фотографии, радовалась, что у нее есть Полина, а у Полины – Вадим, а у них – дети, ее внуки, а еще есть родители Вадима, которые тоже не чужие, а даже родные. Через внуков родные. А еще есть верная Люся, Леночка, которая звонит каждую неделю, рассказывает про сыновей, поздравляет с праздниками и все предлагает прийти квартиру убрать. Хоть как-то помочь.

У Марии Васильевны ныло где-то под сердцем. Она знала, что это не сердце, а подреберье, невралгия. Плохое предчувствие. Когда она давала капли Ольге Борисовне, та сильно сжала ее руку и сразу же отпустила. Вот тогда и появилась эта тянущая боль, ничего хорошего не предвещавшая. Мария Васильевна научилась слышать себя, а через себя – своих пациенток. Если подреберье – значит, уже все. Битва проиграна. Вылечить уже нельзя. Можно только оттянуть, отодвинуть уход, выцарапать еще немного времени. Мария Васильевна посмотрела на Ольгу Борисовну и одернула себя – нет, только не она. Ошиблась

невралгия. Рано заняло подреберье. Преждевременно.

– Женечка рано умер. Скоропостижно, – прошептала Ольга Борисовна. – Он умер молодым. Считал, что ему то двадцать пять, то девятнадцать. А еще говорил, что ему родители снятся. Что он маленький и мама его зовет. Я тогда не поняла, что это конец. Женечка говорил, что его родители рано умерли, а дед был долгожителем. Или я что-то путаю. Когда он твердил, что ему двадцать пять, я даже рассердилась. Закричала на него. Врач пришел и спросил имя-отчество, сколько лет. Женечка тогда сильно сердился, а я на него накричала. Теперь виню себя. Я же не знала, что он уже там...

На следующий день отзвонились секретарши, передали соболезнования от начальников и добавили, что венки – от друзей и коллег, от преданных учеников – заказаны и будут доставлены. Секретарши же сообщили, что заказано отпевание, на всякий случай, поскольку данных о том, был ли усопший крещен или исповедовал атеизм, у них не обнаружилось. В здании института в вестибюле было решено поставить портрет с траурной лентой и корзиной цветов. Прощание было организовано далеко, на задворках, в районе метро «Коломенская». Кремация же предполагалась в крематории престижного кладбища. Там же выделили и место в колумбарии для последующего захоронения урны. Да, начальники просили передать слова соболезнования родным и близким и извинились – на прощании их не будет. Очень плотный график. Но потом они непременно заедут к вдове. Или позвонят.

– Если вы захотите развеять прах и откажетесь от места, сообщите, – напоследок попросила секретарша совершенно ошалевшего Вадима. Он не ожидал, что похороны – это бизнес, ничего личного. Секретарши ему сообщили, что заказан микроавтобус, но его нужно оплатить до церемонии прощания. Лучше в конверте и без сдачи из средств, которые выделены вдове в качестве материальной помощи. Поминки не организовывали, поскольку не знали количества прощающихся. Все документы и деньги будут присланы с курьером, ожидайте.

Вадим сел и опять начал тереть стекла очков.

– Это какой-то фарс, – донеслось до Полины.

Мария Васильевна хотела ему возразить, что это не фарс, а жизнь, и спасибо, что место в колумбарии выделили, Ольге Борисовне ездить будет удобно, не на другой конец города, но промолчала. Не стала она говорить зятю и о том, что и этого могло не быть – спасибо надо секретаршам сказать. Наверняка про венки они подсказали, и про портрет с траурной лентой в вестибюле, и про помощь вдове – сами бы начальники не додумались. И большое спасибо, что автобус оплатили, это ведь тоже недешево по нынешним временам. Может, кто-то будет из коллег или учеников – многие ведь в люди выбились. И может, кто-то сунет конверт с деньгами вдове, догадается. Хотя это все реже случается.

Мария Васильевна думала, какой коктейль сообразить для Ольги Борисовны, чтобы сначала она стояла, а потом уснула. Чтобы сердце выдержало и нервы не сдали. И как бы ее уговорить на капельницу. Надо бы ее проколоть, поддержать. Когда утром Мария Васильевна зашла в комнату к Ольге Борисовне, невралгия опять разыгралась – вид пациентки ей совсем не понравился. Очень не понравился. Физически и внешне все, казалось, в пределах нормы, а вот взгляд – Мария Васильевна давно определяла состояние по глазам, по взгляду, по цвету белков. Она сразу все по глазам понимала – где болит, как болит. Так вот у Ольги Борисовны нигде не болело, а взгляд был пустым, застывшим. Будто она не здесь и ей все равно. Спокойна, чересчур спокойна, и без лекарств, а это тоже тревожный сигнал. Лучше бы плакала, громко жаловалась, размахивала руками, хватала бумажки, звонила, во все вникала. Хуже всего было то, что Ольга Борисовна улыбалась.

– Прекрасный сегодня день, – улыбнулась она Марии Васильевне, – вы работайте спокойно, я девочек заберу, заодно совершу променад. Наверное, от няни стоит отказаться. Лиза ее совершенно ни во что не ставит. Просто удивительно, откуда такая жестокость. Она все делает ей назло. Мария Васильевна, дорогая, я вам говорила, что у Полиночки пытливый ум? Она задает удивительные вопросы. Некоторые и меня ставят в тупик и заставляют задуматься. Девочку нужно развивать. Я бы вам посоветовала биологический кружок, при МГУ есть хорошие кружки.

Мария Васильевна немедленно исключила в голове придуманный коктейль из препаратов и с тревогой посмотрела на Ольгу Борисовну. Для себя она уже назвала ее пациенткой и испугалась собственных мыслей. Нет, это временное, это от стресса, все пройдет.

– Олечка Борисовна, а Евгений Геннадьевич был крещен? – спросила Мария Васильевна. С ее точки зрения, вопрос отпевания был исключительно аттракционом для родственников. Она знала случаи, когда убежденного атеиста крестили в последние дни, когда пациент уже ничего не понимал и был согласен на все, лишь бы его оставили в покое. Она знала случаи, когда отпевали мусульманина и католика. А уж про евреев и говорить нечего. Находились верующие родственники, которые хотели всего и сразу – церемонии, слов, отпевания, чуть ли не ведущего заказывали на похороны, а тамаду на поминки. Мария Васильевна спросила просто так, чтобы вернуть Ольгу Борисовну сюда, в это время, хотя бы в сегодняшний день. Нужно продержаться сегодня и завтра, а потом прокапать – она еще подумает что.

– Крещен? Не знаю, – живо откликнулась Ольга Борисовна. – А что?

– Отпевание заказали.

– Заказали? Какой странный и неуместный глагол. Как можно отпевание заказывать? Но это не важно. Не знаю, Женя никогда не рассказывал. Возможно, его крестили в детстве. А это нужно подтверждать? Документально? Как все сейчас? Мария Васильевна, я знаю, что могу доказать совершенно точно! Наш брак! Я сохранила квитанцию об оплате государственной пошлины! В сберкассе! Она должна храниться в документах. Мы тогда получили талон в магазин для новобрачных, я купила там потрясающие туфли, правда, на два размера больше, пришлось вату подкладывать в носок, и должны были оплатить пошлину. Простите, дорогая, вы о чем меня спросили?

– Об отпевании. Вы не против?

– Нет, конечно. Мне кажется, это красиво. Разве нет? Церковные обряды бывают просто завораживающими по красоте.

– Ольга Борисовна, давайте позавтракаем.

– А, давайте! Я дико хочу есть!

Мария Васильевна бегом метнулась на кухню, где заранее сварила овсянку – она была убеждена, что в таких случаях нет ничего лучше овсянки на завтрак и куриного бульона на обед. С сухариком. Но ничего жирного, соленого и

жареного. Она вернулась в комнату с тарелкой, и Ольга Борисовна позволила себя накормить с ложечки. Она лежала в кровати и улыбалась. Мария Васильевна кормила ее и с каждой ложкой убеждалась – да, пациентка. Господи, только не Ольга Борисовна. Ей-то за что? Она совсем еще молодая. На четыре года младше? Или на три? Но, может быть, еще выправится, справится, сердце вроде бы здоровое, мозги тренированные, все-таки доктор наук. Должно пройти. Просто обязано.

Ольга Борисовна продолжала веселиться:

– Мария Васильевна, дорогая, предлагаю перейти на «ты». После вашей кормежки считайте, что мы выпили на брудершафт. Как же я хочу шампанского. Сейчас бы хоть глоточек – холодненького. Вы как? Ой – ты. Машенька, а давай по шампанскому? Вот жизнь готова отдать за бокал. И знаешь, еще за что? За котлеты, куриные, с пюре. Сто лет не ела. Как же хочу пюре! Или сейчас более уместно пить водку? Женя предпочитал водку. А я так и не привыкла.

Вадим, и без того потрясенный и ошарашенный свалившейся на него важной функцией главного мужчины, отвечающего за все, был отправлен в магазин за шампанским.

– Я не понимаю, – шептал он жене.

– Просто ты счастливый человек. Ты никогда никого не хоронил, – так же шепотом ответила ему Полина.

– Я не могу. Я не знаю, как. Зачем шампанское?

– Вадик, иди в магазин, – ласково велела Полина.

Ей Мария Васильевна наказала бегом сделать пюре и налепить котлет. Полина знала, что, если мама чего-то требует для пациента, нужно исполнять молча и быстро.

Когда Мария Васильевна вышла из комнаты, Полина сидела за столом с телефонной трубкой в руках.

- Лиза не приедет, - сообщила она матери.

Мария Васильевна знала, чувствовала, что так и будет. Что Ольга Борисовна ее пациентка, хотя ее никто не нанимал и не наймет. И что это все - начало конца. Длинного, дай бог, чтобы не мучительного, но ох какого длинного.

- Ольге Борисовне скажем? - спросила Полина.

- Не знаю. Я должна подумать.

Мария Васильевна составляла в голове план лечения - витамины, препараты, очень нужны анализы и консультация специалистов, но это позже. Люся пока не нужна. Что будет дальше - неизвестно. Надо пережить похороны.

- А что у нее? - спросила Мария Васильевна.

- Конференция. Не может вылететь по погодным условиям.

Тут вернулся Вадим с водкой, шампанским, зачем-то шпротами, банкой соленых огурцов, черным хлебом и коробкой шоколадных конфет.

На похоронах Ольга Борисовна не проронила ни слезинки. На улице перед залом, где проходило прощание, собрались люди - похороны давно были поставлены на поток. Машины - черные, отмытые до блеска микроавтобусы - подъезжали, отъезжали, уверенно маневрируя в небольшом дворике. Мужчины в строгих деловых костюмах проворно грузили гробы в кузов, родственники послушно рассаживались. Открывались двери, выпуская предыдущую партию скорбящих родственников, закрывались лишь для приличия и через минуту снова распахивались, чтобы запустить следующих, по списку. Во дворе перед залом больницы, чистеньким, надо признать, с урнами, двумя скамеечками, родственники деловито спрашивали, уточняли:

- А вы за кем?

- Вон за этими. Они раньше приехали.

- А те, которые там стоят?

– Те после нас. Видимо. Да, точно, я вон за той женщиной в платке.

– Запомни мужчину, вон, крупный такой, мы за ними, наверное. Будем его держаться.

Несмотря на указанное время, весьма странное и точное, не круглое – девять двадцать пять или десять десять, например, волнение во дворике присутствовало. Будто кого-то из покойников внесут вне очереди, нагло втиснут раньше времени. Да и так родственникам было спокойнее – зацепиться взглядом за женщину в платке, мужчину в куртке или за девушку с букетом. И держаться ее. Мы следующие, а они – за нами. Эти прошли по времени, значит, и мы пройдем.

Пришедшие проститься собирались дисциплинированными кучками, переговаривались, здоровались, выражали соболезнования, кивали знакомым и незнакомым, но вроде бы знакомым – где-то виделись, совершенно определенно, лицо смутно узнаваемое. Или только кажется? Коллеги по работе держались чуть в стороне, но не отрываясь от общей кучки. Когда все дежурные слова были произнесены, когда заканчивались положенные церемонные объятия и поцелуи в никуда, все немного расслаблялись. Мужчины деликатно отходили покурить за угол, где стояла урна. Женщины же, чтобы скрасить ожидание, доставали телефоны. Они показывали друг другу фотографии – розы на даче, подросшие внуки, а вот младшая дочь вышла замуж. Никто не причитал, не плакал. Еще минут через десять неизбежно начинались сплетни – а кто это, а как дочка, развелась или так и мучается? А племянник все деньги тянет. А эта девушка, она кто? С виду не наша, никто ее не знает. Стоит, горе изображает. Она-то покойному кем приходится? А сестры передерутся за квартиру, как пить дать. Ох, хорошо, что покойный этого не увидит. Вон, стоят поодаль, зыркают друг на друга. Змеи. Говорят, вдова уже адвоката наняла. Там какие-то внебрачные дети обнаружались, а она и не знала. Да как не знала? Все она знала, только делала вид, что не знает. И как теперь, через суд доказывать будут родство? Завещание, говорят, не нашли. Точно было. Только вроде как бывшая жена забрала и никому не показывает. Конечно, там же все на нее записано, а на вторую жену покойный не успел переписать. Собирался, да все никак. Она ж теперь на улице останется. Первая жена ее взащей вытолкает. Да и правильно сделает. Первая-то столько лет с покойным прожила, двоих детей родила, а эта, новая, года три-четыре?

- Надо Ивана подождать! - всполошилась вдруг женщина из соседней группы. - Где Иван?

- Опаздывает! У нас в одиннадцать ноль пять, а его еще нет, - возмущенно присоединилась к ней другая женщина.

- Да, в пять минут... Он едет. Надо его подождать, - вступила еще одна женщина.

- Не будем никого ждать, - отрезала вторая женщина, - без него начнем. Все его, что ли, ждать должны?

- Иван - это кто? - тихо спросила какая-то новая женщина.

- Трюродный брат, - пояснила вторая.

- А... А кто эта девушка? Она к нам?

Девушка металась от одной группы к другой, вглядывалась в лица, не признавая, извиняясь.

- Кажется, это Наташа, Раина дочка. Или нет?

- Нет, Наташа постарше будет. А Рая болеет?

- Болеет. Или муж ее болеет. Да, кажется, муж.

- Надо ее позвать.

- А если это не Раина дочка?

Девушка наконец приткнулась к своим, обняла ближайшую к ней женщину, поздоровалась с остальными. Было видно, что она успокоилась - нашла, узнала, не опоздала.

- А Рая-то могла бы и появиться, - прокомментировал женский голос.

- Да о чем ты? – отвечал ей другой.

- Готовы? Никого не ждем? – К Ольге Борисовне подошел распорядитель.

- Да, да, готовы, – поспешно ответила та.

- Караваева! Романовский! – выкрикнул фамилии вышедший из зала для прощания мужчина.

- Это нас? Нас? – ахнула женщина из соседней группы с опоздавшим Иваном. И все стали разбирать сложенные на лавочке букеты.

- Или не нас? Почему Караваева?

- Так это по девичьей фамилии. Она ж не меняла по документам-то.

- Она Караваева была? А я и не знала.

- Значит, Караваева. Я тоже не знала.

- Это нас. – Полина взяла Ольгу Борисовну под руку.

- Нет, не может быть, – уперлась та, – у нас отдельно. Отпевание. Разве не было заказано отпевание? Как же можно? Ошибка какая-то.

Ольга Борисовна вырвала руку и подошла к мужчине-распорядителю.

- Нам заказывали отпевание, – строго напомнила она.

- Караваева? – уточнил мужчина.

- Кто, я? Нет. Что вы такое говорите. Отпевание Романовского.

- Да, проходите, проходите, священник уже в зале. – Мужчина придержал дверь.

– Нет, мы не можем! Кто такая Караваева? Почему Караваева? Они ведь после нас. И у них еще троюродный брат не приехал. Я слышала. Они будут ждать. А мы раньше. Почему так? Почему вместе? Посмотрите, сначала Романовский, потом Караваева.

– Ольга Борисовна, успокойтесь, так сейчас бывает. Когда вместе, – увещевала ее Полина.

– Как это вместе? Это же не баня! – взвилась Ольга Борисовна. – Я отказываюсь от этого совместного отпевания! Разве вам не звонили? Из института должны были позвонить! И это они заказали отпевание! Посмотрите в бумагах, наверняка вкралась ошибка!

– Олечка, дорогая, пойдем! – Мария Васильевна крепко, профессионально взяла ее под локоть.

Караваевы тем временем суетливо их обходили и устраивались в зале на удобных местах, поближе к священнику, к стеночке, успеть занять три свободных стульчика, поставленных для тех, кто не может стоять. Хотя положено стоять.

Мария Васильевна ввела Ольгу Борисовну в зал прощания. Они встали у выхода – родственники Караваевой заняли почти все пространство.

– Как их много, – заметила Ольга Борисовна и начала оседать. Мария Васильевна кивнула Вадиму, и тот с мгновенной реакцией врача, пусть и окулиста, бросился к стулу, согнал плотно усевшуюся на нем тетку и притащил стул. Ольгу Борисовну усадили. Она вроде бы была спокойна. Мужчина, помогавший с организацией, закрыл дверь.

– Откройте, – велела Мария Васильевна, – задохнемся тут. – И мужчина оставил дверь приоткрытой.

Гробы стояли рядом. Евгений Геннадьевич и неизвестная Караваева с многочисленными родственниками.

– У нас меньше, да? Наверное, не всем позвонили, – пробормотала Ольга Борисовна.

На прощание к Евгению Геннадьевичу пришли немногие – помимо Марии Васильевны, Полины и Вадима, двое мужчин, которые отрекомендовались бывшими аспирантами, секретарша из института, машинистка, которая набирала его рукописи. Венки, конечно, были роскошные, дорогие, с золотыми надписями.

– Берите бумажки и свечи. Берите. Передавайте. Зажигайте. Зажигайте! – Между собравшимися бегал мужчина-распорядитель и раздавал свечи, бумажки с прорезями, чтобы воск не капал на руки. Священник – уставший мужчина средних лет, с брылями под нижними веками, начал что-то читать. Полина не слушала. Ольга Борисовна собиралась взять свечку, но вдруг отдернула руку.

– Подождите! – прокричала она. – Простите, одну минуточку, пожалуйста.

Священник умолк. Родственники Каравасовой посмотрели на нее недовольно.

– Моя дочь, она едет. Она вот-вот должна приехать, – объясняла Ольга Борисовна, – ваш брат ведь тоже опаздывает. Давайте их подождем. Мы ведь в одинаковом положении, вы не находите? – Ольга Борисовна улыбнулась собственной шутке.

Дверь открылась шире, впуская запоздавшего троюродного брата Ивана.

Пока он, извиняясь, пробирался к своим, Мария Васильевна присела на корточки и сказала, как говорят маленьким детям, чтобы они услышали:

– Олечка, Лиза не приедет. Она не может.

– Полина! Объясни мне! Почему Лиза не может? – закричала Ольга Борисовна.

– Там нелетная погода. Она в другом городе, на конференции. Обещала вылететь первым же рейсом, – ответила ей Полина.

– Хорошо. Хорошо, – кивнула Ольга Борисовна. – Можете продолжать, – обратилась она к священнику.

Тот начал читать молитву, скороговоркой, быстро, чтобы уложиться в график. У него тоже рабочий день. Все расписано по минутам.

– Полина, ты в это веришь? – прошептала Ольга Борисовна. – Неужели нельзя было прилететь? Совершенно невозможно? Ведь есть же другие виды транспорта.

– Она думала, что успеет, – соврала Полина.

Лиза ей так и не перезвонила, оставив без ответа несколько звонков.

– Машенька, дорогая, посмотри, – продолжала шептать Ольга Борисовна, – та сторона крестится, женщины в черных платках, головы покрыты, а наша нет. Наверное, нужно было подумать о головном уборе. Но у меня и нет, никогда не было черного платка. А у той женщины очень красиво голова повязана. Очень элегантно. Наверное, мы тоже должны креститься? Как ты думаешь? А если мы без головных уборов, это неприлично? Я думаю, нас должны были предупредить о... о том, как сейчас принято появляться на отпевании.

Ольга Борисовна говорила уже громко. Караваевы злобно щерились, осеняя себя крестами. Священник читал молитву, не отвлекаясь, а мужчина-распорядитель шел к ним, чтобы сделать замечание.

Мария Васильевна выдала Ольге Борисовне сразу три таблетки валерьянки, чтобы предотвратить истерику. Потом подумала – достала из сумки пластиковый стаканчик, валокордин, бутылку воды и накапала, заставила выпить. Священник недоуменно смотрел на них, но продолжал читать молитву и махать кадиллом.

– А у нас цветов больше, и гроб мне больше нравится, – рассуждала Ольга Борисовна в полный голос. – На крышке какой чудесный букет! Это из института прислали? Надо передать им благодарности. Ты не знаешь, его тоже сожгут? Жалко, если сожгут в крематории. Хотя я вижу там лилии. Тогда лучше сжечь. Не выношу запах лилий.

– Тихо, Олечка, тихо. Еще чуть-чуть осталось, – приговаривала Мария Васильевна, проклиная это проплаченное и организованное, никому не нужное отпевание. – Потерпи – скоро домой поедем.

– Полина! Ты здесь? – окликнула Ольга Борисовна.

Полина подскочила, склонилась к ней.

– Ты мне скажи, неужели Лизе было совершенно невозможно приехать? И кто придумал такую формулировку: «совершенно невозможно»?

Мария Васильевна с Полиной едва успели подхватить Ольгу Борисовну, которая вдруг стала опадать, сползать со стула.

Мария Васильевна поливала Ольгу Борисовну водой, растирала ей уши. В ее сумке нашелся и нашатырь. Она дала понюхать вату, и Ольга Борисовна очнулась.

– Боже, что за запах! – отмахнулась она. – Это так ладан пахнет? Я правильно говорю? Ничего в этом не понимаю. Или лилии? Нет, аммиак в чистом виде. Мария Васильевна, как такое возможно? Почему здесь стоит устойчивый запах аммиака?

– Олечка, это нашатырь, просто нашатырь. Успокойся. Тебе стало плохо. Здесь просто душновато, – говорила Мария Васильевна.

– Маша! Мы забыли! – опять закричала Ольга Борисовна. – Мы забыли предупредить священника о том, что у меня нет достоверной информации, был ли крещен Женя. Я считаю, священнослужитель должен быть в курсе этого обстоятельства.

– Хорошо, я скажу.

– Надо сказать прямо сейчас, пока не поздно. Вдруг есть какая-то процедура, которая необходима в подобных случаях?

Мария Васильевна подошла к священнику и что-то ему прошептала. Тот кивнул.

- Ну что? - обеспокоенно спросила Ольга Борисовна.

- Все хорошо, не волнуйся, - кивнула Мария Васильевна. - Мы все сделали правильно.

Священник, собиравшийся было положить еще один камешек в кадило, остановился. Помахал так, для вида.

- Гасите свечи, гасите, сдавайте, мне сдавайте, бумажки сюда передавайте, гасите, - ходил между людьми мужчина-распорядитель, собирая огарки и бумажки. Одну он уронил, и священник, не запнувшись на финальной скороговорке, указал ему на улетевшую бумажку. Мужчина полез ее доставать под гроб.

- Это так странно, да? - Ольга Борисовна не без интереса следила за передвижениями распорядителя. - Но мне было небезынтересно. Я никогда не была на отпевании.

- Пойдем, Олечка, вставай. Давай потихоньку уже выйдем отсюда на свежий воздух. - Мария Васильевна подняла Ольгу Борисовну и повела к выходу. Но их остановил окрик мужчины-распорядителя.

- Прощайтесь!

Родственники Караваевой выстроились в очередь к гробу - подходили, целовали, просто стояли молча, трогали гроб.

- Нам тоже так нужно? - спросила Ольга Борисовна.

- Если ты хочешь.

- Да, я подойду.

Мария Васильевна подвела ее к гробу. Ольга Борисовна церемонно положила руку на краешек, задержала на мгновение и с облегчением отошла.

Полина с Вадимом тоже подошли, постояли и двинулись к выходу.

Они уже почти перешагнули через порог, но вдруг проход загородил мужчина-распорядитель.

- Раньше гроба нельзя.

- Что? - не поняла Ольга Борисовна.

- Сначала гроб. Плохая примета, если раньше.

- Маша, ты слышала? Это просто какое-то чернокнижие! - рассмеялась Ольга Борисовна. - Это удивительный опыт. Ну где бы я еще такое услышала? Вот как они считают? Простите, уважаемый, у меня уточняющий вопрос - если мы выйдем после, так сказать, нашего гроба, но перед гробом Караваевой, то будет считаться, что мы все равно вышли перед гробом? Или вы сначала выносите гробы, а потом выпускаете людей?

- Нет, сначала вы, по очереди, - опешил распорядитель.

- Тогда ваша примета не работает! - торжественно объявила Ольга Борисовна и сделала шаг вперед.

- Не положено, - упрямо загородил проход распорядитель, - сначала гроб, потом вы. Родственники после своего гроба выходят.

- Хорошо, хорошо, - радостно улыбалась Ольга Борисовна, - как скажете. Мы не будем ломать ваши представления о приметах.

Мария Васильевна, крепко держа Ольгу Борисовну под локоть, уже сама чуть не падала. Подреберье не просто ныло, а кололо и взрывалось очагами боли. Все плохо. Срочно нужно добраться до дома. Отменить поминки. Срочно вызвать Лизу. Возможно, дочь поможет пережить тяжелейший стресс. Непременно нужна консультация невролога. И покой. Обязательно покой и постельный режим. Никаких поминок, никаких девяти дней. Ольга Борисовна сорвется. Уже сорвалась. И Люсю. Люся нужна непременно. Хотя бы на первое время.

– Ну, вы дальше, на кремацию, а мы домой, – сказала Мария Васильевна дочери и зятю. Она усадила Ольгу Борисовну в такси.

Так получилось, что на кремации Евгения Геннадьевича присутствовали совершенно чужие ему люди – Полина и Вадим. Аспиранты, машинистка и секретарша уехали.

– Маша, ты знаешь, о чем я думаю? – спросила в машине Ольга Борисовна.

– О чем?

– Мне кажется, была совершена чудовищная ошибка. В гробу был не Женя. Я же подходила, видела. Тот мужчина совсем не был похож на Женю. Другое лицо. Абсолютно чужое.

– Это он, Олечка, он.

– Ты так считаешь?

Ольга Борисовна замолчала.

– Все так странно. Совсем не так, как я думала, – подвела итог Ольга Борисовна перед тем, как уже дома, вымытая уверенными и сильными руками Марии Васильевны, напоенная чаем и крутым бульоном, впала в глубокий сон. – Лиза так и не приехала. А если я умру, кто меня будет хоронить? Лизе же опять будет совершенно невозможно...

А дальше потекли однообразные дни. Мария Васильевна неотлучно находилась при Ольге Борисовне – делала уколы, кормила, мыла, укладывала, поднимала. На смену приходила Люся, давая Марии Васильевне передышку. Мария Васильевна вызвала на дом невролога – свою бывшую коллегу, и та дала неутешительные прогнозы. Прописала таблетки, но ничего не обещала.

Ольга Борисовна временами приходила в себя – сама причесывалась, садилась разбирать старые письма, была бодрa, всех узнавала, даже планировала устроить поминки – если не на девять, то хотя бы на сорок дней. Без конца благодарила Марию Васильевну за помощь, радовалась приходу Полины и

Вадима. На восьмой день Мария Васильевна была готова взять свои предчувствия назад – Ольга Борисовна затеяла генеральную уборку, разбирала рукописи мужа, шутила, даже сходила в магазин и купила коробку шоколадных конфет, которую вручила Марии Васильевне. Вместе с конвертом с деньгами, который ей передала секретарша – «от коллег».

– Мария Васильевна, дорогая, спасибо за помощь. Дальше я сама, сама. Хватит уже пользоваться вашей добротой. Приходите завтра, посидим тихонечко, помянем Женю. И Полина с Вадимом пусть придут. Больше никого звать не будем.

На следующий день, на девять дней, приехала Лиза. Ольга Борисовна открыла дверь и тут же ее закрыла. Мария Васильевна ахнуть не успела.

– Это была Лиза? – спросила она.

– Да, – спокойно отозвалась Ольга Борисовна.

– Почему вы ее не пустили?

Ольга Борисовна не ответила. Она невозмутимо села за стол и положила себе на тарелку селедку под шубой.

– Мария Васильевна, за вашу шубу можно жизнь отдать. Передайте мне хлеб, пожалуйста.

На десятый день после похорон Ольга Борисовна стала терять память. Она перестала узнавать Полину, но была приветлива. Мария Васильевна – единственная, на кого реагировала Ольга Борисовна, – практически поселилась у нее. Приезд дочери стал для нее не лекарством, а стартовым пистолетом, который запустил процесс гибели мозга, памяти. То, что было много лет назад, она помнила прекрасно, до мельчайших деталей, но то, что было вчера, от нее ускользало.

– Мария Васильевна, вы не помните, я сегодня завтракала? – спрашивала Ольга Борисовна.

- Да, и пора ужинать. Сейчас капусточка тушеная будет готова.

- Я же вчера ела капусту. Сегодня пятница? В пятницу я всегда готовила Жене рагу. У нас есть рагу?

- Четверг, сегодня четверг. Вы же любите тушеную капусту. Через пять минут сядем ужинать.

- Мария Васильевна, посмотрите, в холодильнике должна быть банка красной икры. Женя приносил. Давайте откроем. Так хочу икры! Зачем ждать повода? Давайте на двоих и съедим!

- Олечка, вот капусточка, надо поесть. И вот таблетки.

- Завтра разбудите меня пораньше, я кашу сварю, как Женя любит. Он, знаете, любит овсянку на воде. Без молока. С медом. Вы не знали? Он всегда чувствует, кто овсянку варил. Завтра сама ему сварю.

- Ольга Борисовна, Женю-то похоронили, вы помните?

- Конечно, помню. Только я вот думаю - урну на Донском в колумбарий поставить? Женя мне говорил, что институт позаботится о месте, чтобы я не беспокоилась. А вот где место - не помню, хоть убейте. Как вы считаете, урна не хуже могилы? Ведь какая разница? Но я беспокоюсь о его коллегах и учениках. Может, не нужна была кремация? Хотя вы знаете, если бы развеять прах, это было бы очень... очень похоже на Женю. Мне кажется, ему бы понравилось. Как вы считаете, а для развеивания есть специально отведенные места или нужно запрашивать разрешение? Сейчас все время нужно что-то запрашивать. Или это раньше было, а потом отменили. Странно, что я об этом думаю. Даже не знаю, почему мне такое приходит в голову. Какая-то тревога внутри, будто я что-то забыла, не так сделала. Не помню совершенно. Будто произошло что-то плохое, неприятное. Маша, все прошло хорошо? Успокойте меня.

- Да, все хорошо, Ольга Борисовна. Надо сейчас поесть. Ужин.

- Время ужина? Неужели? Я будто недавно завтракала. Маша, а как урну закладывать надо? Опять людей звать? Это такой специальный ритуал или

можно обойтись своими силами? Я ничего, совершенно ничего про это не знаю, не смыслю. Всегда боялась кладбищ. Когда на похороны звали, отказывалась, да и не было у меня кого хоронить... Как вы думаете, Машенька, а Лиза приедет на закладку урны, боже, какое странное выражение – «закладка урны». Я правильно говорю? Или ей опять будет совершенно невозможно? Странное, странное словосочетание – «совершенно невозможно», никак не могу его осмыслить. Как может быть «совершенно невозможно», будто бывает несовершенно возможно. Как же у меня болит голова. Все время болит голова. И слабость. Откуда такая слабость? Маша, а давай выйдем на прогулку! Запланируем заранее, я настроюсь и заставлю себя. Мне нужно себя заставлять. Ты, как врач, должна меня понять. Прямо на завтра и запланируем. И не давай мне спуска. Договорились? Хорошо. Только мне покою не дает это отпевание. Мне кажется, оно все-таки недействительно, ведь я доподлинно не знаю, был ли крещен Женя. Я думала над этим, и мне кажется, что нет, не был. Тогда все зря, он вроде как не имел права. Да? Так получается? И мне не понравился священник. Очень равнодушный. Разве можно было вот так, через запятую имена произносить? Наверное, можно, я в этом совсем не разбираюсь. Маша, как ты думаешь, Лиза будет меня содержать? Я как-то не думала о собственном содержании. Это так странно, да? Почему я об этом не думала? Мне столько нужно обдумать, а я не в силах. Головная боль очень утомляет. Маша, а если Лиза откажется меня содержать, я допускаю такую мысль, то я должна что-то делать. Как ты считаешь? Только скажи честно, не обманывай меня. Я смогла бы преподавать? Я доктор наук, правда, у меня не было практики. Давно, когда еще аспиранткой была, читала лекции, семинары вела. Но я не нашла себя в этом, а Женя нашел. Он читал блестящие лекции, ты знаешь? Но я могу попробовать. Ты знаешь, у него сохранились записи. Я имею на них право? Если речь идет о заработке. Мне кажется, в этом контексте это, так сказать, заимствование не будет считаться неприличным. Но я все еще рассчитываю на Лизу. Или ты считаешь, что на нее надежды нет? Но это странно, правда?

– Олечка, надо поспать.

– Мария Васильевна, вы сегодня пересолили капусту. Нельзя потреблять так много соли, это вредно. Женя не любит соленое. В следующий раз кладите меньше.

– Хорошо, Ольга Борисовна, хорошо....

Когда со дня смерти отца минул год, Лиза вновь появилась на пороге родительского дома.

- Лиза? - удивилась Ольга Борисовна. - Ты как здесь?

Она была приветлива. За этот год она, можно сказать, оправилась от смерти супруга, смогла отпустить от себя Марию Васильевну, которая считала подобное восстановление практически чудом. Да, были специалисты, препараты, грамотно подобранное лечение, но все равно чудо. Мария Васильевна проводывала Ольгу Борисовну не менее трех раз в неделю - заходила, мерила давление, разговаривала, оценивала состояние. Ольга Борисовна начала немного преподавать - сыграли свою роль связи и авторитет мужа, и вдове дали вести группу. В работе она была пунктуальна, требовательна, сосредоточенна, но дальняя память по-прежнему превалировала над ближней. Ольга Борисовна прекрасно читала лекции, но не могла вспомнить, как сегодня добралась до института - на троллейбусе или на автобусе. Еще одним побочным эффектом стало то, что она совершенно не помнила лиц студентов. На экзаменах и зачетах относилась ко всем одинаково - ставила по ответу, «автоматов» не признавала, посещение занятий не учитывала.

Дома все тоже наладилось. Ольга Борисовна даже находила определенное удобство в одиночестве - супружеская кровать была в полном ее распоряжении, подушки сложены высокой горкой, шторы почти не раздвигались - вдова страдала светобоязнью, предпочитая полумрак. Покойный же супруг любил яркий, брызжущий из окон свет, решительно раздвигал не только занавески, но и тюль, открывал форточку. Ольга Борисовна закупила, зашторила окна, не застилала постель и подолгу возлежала на подушках, наслаждаясь простором и полумраком спальни.

Мария Васильевна радовалась ремиссии, удивительной, просто поразительной, восхищалась силой воли своей подопечной, которая заставляла себя гулять, делала гимнастику по методу Алексеевой. Ольга Борисовна облачалась в черный гимнастический купальник и черные же колготки и прыгала, скакала, совершала махи ногами, изображала просыпающийся цветок или гарцующую лошадь. Мария Васильевна считала, что ходьба по парку в достаточно быстром темпе куда полезнее странных, весьма неуклюжих танцев, но Ольга Борисовна верила в свои этюды.

– Машенька, разве вы не помните? Во времена нашей молодости алексеевская гимнастика была очень в моде. Она еще называлась гимнастикой Дома ученых. А открыла это направление сама Айседора Дункан! Это чарующая, удивительная, магическая красота свободного танца, разве вы не видите? Попробуйте! Это нужно прочувствовать! – убеждала ее Ольга Борисовна, хлопая в ладоши и прохаживаясь по коридору шагом «полечка».

– Не знаю, как скакала Дункан, но от ваших прыжков, Ольга Борисовна, так звенит хрусталь в шкафу, что скоро перебьется, – позволяла себе пошутить Мария Васильевна, глядя на то, как новоявленная «Айседора» выделяет замысловатые па ногами, отдаленно напоминающие танцы сиртаки и казачок одновременно.

Впрочем, Мария Васильевна считала, что любая физическая нагрузка, пусть и в таком виде, пойдет на пользу.

Год пролетел достаточно быстро. Урну захоронили. Решили ничего не устраивать. Ольга Борисовна с облегчением вернулась к обычной жизни, покончив со всеми похоронными делами, как она это называла. Мария Васильевна ругала себя за плохие мысли и предчувствия. Ошиблась. Ведь никогда не ошибалась. Видела то, что многие врачи не видят. А здесь ошиблась. Слава богу, что ошиблась. Втайне от вдовы Мария Васильевна купила и поставила в дальний угол на кухне, над холодильником маленькую иконку Богородицы «Прибавление ума». Приходя к Ольге Борисовне, Мария Васильевна сразу шла на кухню и тихонько, стоя перед холодильником, просила избавить рабу божию Ольгу от душевных заболеваний и послать ей просветление мыслей. Может, икона, может, препараты, которые принимала Ольга Борисовна, может, гимнастика Дома ученых, а возможно, все вместе подействовало, и Ольга Борисовна казалась совершенно здоровой – учитывая перенесенное горе и вынужденное одиночество. Мария Васильевна не знала, какую икону принести еще в дом к своей подопечной, чтобы не дать этому хрупкому равновесию сломаться. Один стресс, малейший толчок – и выстроенная, восстановленная память, психическое спокойствие слетят, как летит жесткий диск компьютера. Без надежды на восстановление.

– Можно войти? – спросила Лиза.

– Конечно, почему ты спрашиваешь? – удивилась Ольга Борисовна. – Есть – хочешь? Маша, кажется, котлеты оставляла. Ты же помнишь Марию Васильевну, Полинину маму? Кстати, как Полина? Вы поддерживаете связь? В детстве вы крепко дружили. Ты знаешь, у меня на редкость толковые студенты. Не понимаю, почему Женя так жаловался на студентов! Или мне повезло? Такой курс подобрался? Очень хорошие дети. Почему Женя не хотел, чтобы я преподавала? Или я сама не хотела? Конечно, мои жалкие потуги в молодости не в счет. Но я нашла себя в преподавании! Это удивительно. Теперь я понимаю, что студенты дают невероятные силы. Конечно, твой отец был блестящим лектором, и у меня и в мыслях нет с ним соревноваться. Но кажется, у меня получается. Ты должна прийти на лекцию. Послушать. Ты знаешь, я приходила на Женины лекции – было интересно. Но ему не было бы за меня стыдно. Мне иногда кажется, что я вовсе не хуже Жени.

Маша должна сегодня зайти. Или сегодня не вторник? Подари мне календарь на будущий год – очень нужен. Только чтобы цифры покрупнее были. И чтобы на стол можно ставить. Не на стену. Я совсем в днях недели теряюсь. Вчера была пятница? Так летит время, что я не успеваю следить. Недели как и не было. Приходится беспокоить Машу каждый раз. Я ей звоню утром – ты знаешь, она рано встает, так же, как и я, и это несомненное удобство, и сверяюсь с ней днями. Смешно, тебе не кажется? Она мне говорит, какое число, какой день. Конечно, я знаю, какой день и какое число, но вынуждена перепроверять. Иногда я подолгу засиживаюсь над Жениными записями и не понимаю, то ли уже надо ложиться спать, то ли пора вставать. Твой отец все-таки был блестящий ученый. Не перестаю им восхищаться. Я и предположить не могла, насколько он талантлив. Ты обязательно должна почитать его рукописи. Невозможно оторваться. Надо Маше что-то подарить на Новый год. Она меня буквально спасает. Иначе бы я не попала в институт. Это ужасно невежливо, но я ее бужу в шесть утра, иначе я не успеваю сделать прическу. Меня пугает моя память – пью таблетки, Маша посоветовала. Но она говорит, что это совершенно нормально для моего возраста. Страдать забывчивостью. Но на работе это не отражается, поверь мне. И ты знаешь, я позволила себе вольность – дополняю Женины лекции! Нет, они, безусловно, законченные, завершенные, но там есть... э... эмоциональные зазоры. Как ты думаешь, Женя на меня не обидится? Ты решительно должна прийти на мою лекцию. В пятницу, да, в пятницу! Вторая пара. А сегодня у нас какой день? Надо позвонить Маше. Так ты будешь котлеты?

– Мам, мам... – прервала ее Лиза.

– Что? – Ольга Борисовна с некоторым изумлением посмотрела на дочь, будто пытаюсь вспомнить, почему вдруг пустила дочь на порог и почему та так долго не появлялась. Но особенно ее интересовал вопрос, какой сегодня день недели. Наверняка вторник. Или все-таки среда?

– Мама, я выхожу замуж. Вот, пришла тебе сообщить.

Ольга Борисовна, нахмурившись, молчала.

– Чтобы ты была в курсе, – зачем-то объяснила Лиза.

– Замуж? Разве ты не замужем? – удивилась Ольга Борисовна. – Ах – да, это Поляночка замужем. Маша мне рассказывала про их свадьбу. И ты знаешь, что у нее уже двое детей? Мальчик и девочка. Маша показывала фотографии внуков. Очень милые ребята. Они такие маленькие, я совсем забыла, как выглядят маленькие дети. И совсем не похожи на Полю. Но глаза умненькие, живые. Кажется, младший, как же его зовут, вылетело из головы, хотя я старалась запомнить, болел недавно. Да, точно болел – Маша не смогла ко мне зайти. Знаешь, кажется, мне нужен секретарь. Машу я не могу беспокоить. У нее и так много забот, еще я со своим беспомощием. А был бы у меня секретарь – напоминать про лекции, помогать разбирать рукописи, было бы легче. Ты знаешь, что у Жени совершенно невозможный почерк. Я так многого не могу разобрать... Маша мне прописала таблетки, консервативное, так сказать, лечение, но я не могу оценить эффективность. Я же не вижу себя со стороны. Мне непременно нужен секретарь. Маша говорит, что мне положен социальный работник. Но я не понимаю. Социальный работник что делает? Ходит в магазин и заполняет квитанции? Зачем за меня ходить в магазин и заполнять квитанции? Мне не нужно. Я определенно чувствую себя в силах. Лиза, у тебя большие связи, ты можешь организовать мне секретаря? И как ты считаешь, если я подарю Маше чайный сервиз? Это будет достойный подарок?

– Мама, ты меня слышишь? Я выхожу замуж, – повторила Лиза.

– Да, дорогая, конечно, я слышу. У меня проблемы с памятью, а не со слухом. Хотя Маша говорит, что сейчас такие слуховые аппараты, что мне не нужно волноваться. Даже если возникнут проблемы, я смогу вести полноценную жизнь. Ты знаешь, я иногда и вправду чего-то не слышу. Но ведь это нормально в моем возрасте? Если студент шепчет или у него плохо с дикцией, я же вполне могу не

разобрать его ответ и прошу повторить. Тебя, например, я слышу прекрасно. И Машу слышу. Хотя, на мой вкус, она иногда излишне повышает тон. Но это профессиональное – столько лет в поликлинике на приеме сидеть. Ей памятник надо поставить. Это же невозможное выгорание. Кажется, у Жени тоже наступило профессиональное выгорание, но я этого не понимала. Вот сейчас бы я его поняла. Иногда сама так устаю, особенно от нервов, что уснуть не могу. Ты знаешь, я себя так корю за то, что nepозволительно мало интересовалась работами твоего отца. Сейчас бы мне очень пригодились его комментарии к записям. Ну что за манера – сокращать слова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/masha-traub/vtoraya-zhizn-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)